

Концерт на темы «Таганки»

К ВЫСТУПЛЕНИЮ АРТИСТОВ МОСКОВСКОГО ТЕАТРА ДРАМЫ И КОМЕДИИ

Комсомолец
г. Челябинск

16 СЕН 1980

Нынешнее гастрольное лето обошлось без событий. Добротные драматические театры из Липецка и Тюмени, хороший музыкально-драматический коллектив из города-побратима Ворошиловграда — все это было по-своему интересно, но отсутствие обязательной за последние десятилетия афиши столичного или ленинградского театра лишило гастрольный сезон остроты, ощущения приближенности и ведущим направлениям в сегодняшнем театральном процессе.

И вдруг, как-то неожиданно, название самого труднодоступного из московских театров — «на Таганке». Хотя и не гастрели в настоящем их виде — мы не увидим полностью ни одного из спектаклей, хотя и не значит, что в афише тех актерских имен, что представляли одну из притягательных сторон этого театра в самом начале его пути или представляли ее сейчас, но все же, все же... В какой-то мере в таком концертной программе есть даже особый интерес: что смогут сказать десять представителей театра от имени всего коллектива? Наверное, что-то смогут, если столь рьяно дорожающий своей непохожестью на других театр доверил им это. На памяти только один пример подобных гастрелей более чем десятилетней давности, когда Лилия Толмачева и Михаил Козанов привозили спектакль «Двое на манежах» У. Гибсона. Но это все же был законченный спектакль, ничего не терявший от того, что не чередовался с другими спектаклями «Современника».

Группа «Таганки» (а точнее, Московского театра драмы и комедии) привезла композицию, в которую вошли отрывки из спектаклей «Павшие и живые» (по произведениям фронтовых поэтов), «Антимиры» (по А. Вознесенскому), «Тартюф» Ж.-Б. Мольера, «Жалобная книга» по А. Чехову, зонги из брехтовского спектакля «Добрый человек из Сезуана», а также песни, написанные актерами театра, сценна «Совпадение», автором которой является также артист театра Леонид Филатов.

Названий, как видите, много. Все они укладываются в двухчасовую программу, довольно большую часть которой занимают комментарии кандидата искусствоведения Марии Гринберг, где коротко и емко, хотя, пожалуй, излишне эмоционально, рассказывается о шестнадцатилетнем пути театра, начиная от того сезона, когда в его коллектив вошла группа выпускников училища имени Б. Шуккина при т а а т р е им. Евг. Вахтангова под руководством своего педагога Юрия Петровича Любимова и до сегодняшних дней.

Группе актеров, предстоит проиллюстрировать слова театроведа, доказать, что высочайшие оценки, приводимые ведущей в своем слове о театре, справедливы. Доказать на голой сцене, не имея подспорьем ни декораций, ни костюмов, ни столь важных именно для этого театра световых эффектов.

Но они это делают. В небольших отрывках из поэтических композиций они точно передают и выжидательный пафос «Павших и живых», и убийственный сарказм «Антимиры», Михаил Лебедев и Станислав Холмогоров поют брехтовские зонги так,

что можно довольно четко представить себя стилистку самого первого спектакля «любимовцев», на долгие определившего русло ленинского молодого театра — «Добрый человек из Сезуана».

В этом концерте очень точно представлены «Таганки» именно первых ее лет, отличающихся поначалу от многочисленных в начале шестидесятых годов студенческих самодельных театров лишь профессионализмом молодых актеров и режиссерским талантом Любимова, но по духу своему, по творческим устремлениям — вся плоть от плоти этих театров, от их тити и поэтической славы и сценической яркой метафоры, от лаконизма языка этих театров, идущего от нежелания (и нехватки средств) прятаться за грим, костюм, солидные декорации. От их стремления к предельному самовыражению, отказывающемуся и в отходе от традиционной драматургии (лишь — сажин), и в близости начинавшемуся тогда же взлету самодельной песни (а спектакли тех лет много песен актеров театра В. Высоцкого, Ю. Хмельницкого и других).

Вот об этом периоде «Таганки», когда Зинаида Славинной было достаточно темного котельного очка, чтобы из Шан Те превратиться в Шун Та, оставался при этом прежде всего Зинаидой Славинной, а Владимиру Высоцкому из революционного матроса в Керенского, не сменяя даже, кажется, бушлат, гастрольная группа дает очень точное представление. И не только сценами из «Павших и живых» и «Антимиры», зонгами Брехта, но и представленной Енатаринной и Алансеем Граббе сценной Леонидой Филатовой «Совпадение», и исполнением Станиславом Холмогоровым песен собственных и написанных товарищами по труппе.

Сцены из Мольера и Чехова стоят несколько особняком. Первая, не подкрепленная ширмами, костюмами и дисциплинирующей атмосферой цельного спектакля, дает лишь представление о режиссерских устремлениях, отличается от такой же сцены в спектакле, как эскизный набросок от завершенной анимации.

Рассказ А. Чехова «Из записок идеалиста» весьма формально перенесенным из условий малой сцены на огромную, поданный не плотную и зрителью, а через рамку, производит впечатление хорошего концертного номера, исполненного Енатаринной Радунской, Михаилом Лебедевым и Станиславом Холмогоровым с современным эстрадным анусом.

О сегодняшней «Таганке» — театре с неоднородным репертуаром, сложным сценическим языком — мы узнали из концерта мало. И это вина тех, кто приехал в Челябинск — просто такая задача не для концертной формы.

В фойе «Таганки» выставлены три портрета — как указатели на три источника поэтики этого театра: Станиславский, Вахтангов, Брехт. В фойе оперного в эти дни можно было бы выставить один — Брехта. Наверное, повод для появления остальных портретов могут дать лишь полновесные гастроли.

Из того, что мы увидели, — неплохой точкой нынешнего гастрольного лета.

И. МОРГУЛЕС.